

В. Н. ТОПОРОВ

ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ. III (1—3)

1—2. Балто-балкан. **kǣt-*, **gaur-*

Относящиеся сюда слова не ограничиваются балтийским и балканским ареалами, хотя именно эти два ареала заслуживают особого внимания в связи с анализом обозначенных лексем. Дело не только в том, что балтийские (как и славянские) и балканские языки сохранили наибольшее количество соответствующих примеров (причем как раз из числа самых показательных), но и в том, что оба эти ареала обозначают пределы некоей зоны, соединяющей в меридиональном направлении Балтику с Средиземноморьем и характеризующейся, как было показано в ряде предшествующих работ, определенными этнолингвистическими и культурно-историческими связями уже с достаточно древней эпохи (ср., напр., исследования М. Гимбутас). Есть и еще одно основание вернуться к проблематике древних балто-балканских связей: анализ указанных лексем, относящихся, в частности, к обозначению ландшафта, позволяет заполнить языковыми фактами и промежуточное между юго-восточной Прибалтикой и Балканами пространство. При этом особо рельефно

выступает роль Карпат и смежных с ними областей, места, являвшегося в определенный и достаточно длительный период главным узлом, в котором сходились пучки балто-балканских изоглосс. Более того, можно предполагать, что именно в Карпатах продолжения **kēt-* и **gaur-* фиксируют с наибольшей четкостью свою «ландшафтную» отнесенность. Тот факт, что Карпаты с их специфическими природными условиями образуют зону с высокой степенью эндемических языковых элементов, не противоречит целесообразности поиска соответствий некоторым бесспорным карпатизмам как к югу от Карпат, так и к северу от них.

В этой связи уместно вернуться к одному из наиболее известных и диагностически важных карпатских оронимов — рус. *Бескиды*, укр. *Бескиди*, *Бецади*, польск. *Bieskidy*, *Bieszczady*, венг. *Beszékéd* и т. п. В соответствии с последней и наиболее перспективной этимологией¹, это название восходит к иллирийскому сложному слову, обозначающему б у к о в ы й л е с, — **biz-kēt-* (*kit-*), ср. *Буковина*². Название леса, содержащее тот же корень, представлено в связи с г о р о й — τὸ Κέτιον ὄρος (Ptol. II, 14, 1; 15, 1), соотносимое с Венским лесом (на границе с Верхней Паннонией около Карнунтума), или *Citius mons* (Liv. 43, 21) в Эпире. Правдоподобна связь этих названий с такими, как *Citium*, местечко в Македонии, к югу от Эдессы (Liv. 42, 51), *Κίτιον* (лат. *Citium*), город на южном берегу Кипра³, возможно *Citua* (Rav. IV, 19, вар. — *Situa*), местечко в Далмации и Паннонии (значение 'лес' в этом названии могло быть актуальным, о чем, возможно, свидетельствуют соседние названия с корнем **deru-* 'дерево' ('деревья' → 'лес'); собственно, *Citua* находится между *Derva* и *An-derva*⁴; -ца в *Citua* могло бы объясняться в связи с -ва в топонимах с корнем **deru-*), и некоторые другие.

Разумеется, многое в связи с корнем **kēt-* остается не вполне ясным. В частности, ни соответствия иллир. **kēt-* (*kit-*) в других индоевропейских языках, ни тем более этимология этого элемента неизвестны. Более того, даже само значение 'лес' — при всем его правдоподобии — определяется лишь наощупь, сугубо условно. В наиболее надежных источниках элемент **kēt-* сочетается с обозначениями горы (*ὄρος*, *mons*). Поэтому целесообразно попытаться выяснить семантическую мотивировку значения **kēt-* и, следовательно, связать этот корень с надежным кругом апеллятивной лексики. Однако до этого стоит обратить внимание на этимологически темную группу местных и водных названий, также, видимо, восходящих к корню **kēt-* и зафиксированных к северу от Карпат, в частности, в балтийском ареале. Прежде всего ср. прусские названия типа *Kethen*, 1387, *Keythene*, 1392, *Kyten*; *Kethein*, 1468, позже — *Köthen*⁵ и, возможно, такие Нем. рг. как (*Mertin*) *Kettenyn*; *Ketawe*, 1364; *Kethow*, 1396⁶. На основании этих примеров восстанавливаются сочетания корня **kēt-* с суффиксами, в состав которых входят элементы -v- и -n-: **kēt-en-* (-*ein-*, -*in-*) и **kēt-av-*. Не исключено, что прусским фактам соответствуют восточно-балтийские топонимические и гидронимические примеры, остающиеся в изоляции и поэтому обычно не объясняемые. Ср. лит. *Ketāviškės*; *Ketūnai*⁷; *Ketūnka*⁸; лтш. *Ķetas*, *Ķetes*, *Ķetišķi*(?)⁹

и др.; верхнеднепр. *Четовка, Четово* и т. д.¹⁰; следует заметить, что в наиболее достоверных случаях первичным является водное название (а местное — вторичным), на что намекал уже К. Буга. Если балтийские факты восходят к тому же корню **kēt-*, о котором говорилось в связи с карпатскими, балканскими (и даже восточноевропейскими) параллелями, то существенной представляется совершенно новая сфера применения этого корня — гидронимия. Но уже раньше не раз демонстрировалось различие в отнесенности к частям ландшафта общих языковых элементов на Балканах и в Прибалтике, что, конечно, в значительной степени определялось резкими различиями в типе ландшафта. Впрочем эти различия, несколько усложняющие на первых порах установление семантического инварианта для столь разбросанных в «смысловом пространстве» конкретных примеров, на более поздней стадии исследования оказывают неоценимую помощь, позволяя идти вглубь (не останавливаясь на верных в принципе, но предварительных решениях) и ориентируя на наиболее строгое определение исходного значения — вне случайных и производных смыслов.

Помня о специфике этой ситуации, кажется соблазнительным связать указанные выше топонимические и гидронимические факты с афеллятивным корнем **kēt-*, лучше всего отраженным в балтийском и — с известными ограничениями — в славянском. Прежде всего речь идет о двух литовских лексемах, которые при этимологическом описании оказываются разъединенными (см. Fraenkel 246—247), а именно о: 1) лит. *keterà* (*kētaras/keteria, keteris*), но и *sketerà, sketarà, skētaras* и др., ср. *sketēlis*; сосуществование двух вариантов анлаута (*k-*, *sk-*) постоянно отмечается в этой группе слов, которое обозначает не только 'загрибок; щетину на хребте; хребет (у лошади); грудь (у лошади)'¹², но и 'верхушку; вершину; гребень; конек (навершие); удлиненную возвышенность на пашне («nutišes pakilimas dirvoje»); гребень борозды' («vagos viršus») и, более того, нередко употребляется, когда речь идет об обозначении возвышенных частей ландшафта (ср. *kalno ketera* 'горный гребень', *kalnų ketera* 'горный хребет; кряж; горная гряда', ср. Κέτιον ὄρος, *Citium mons* и другие убедительные примеры¹³), и о 2) лит. *kēsti* (*kėčiu, kėčiau*; < **kēt-*, ср. *kētōti* и т. п., с чем связано и слово, обозначающее 'зонтик' — *kētis* (: *skētis* то же), также 'амплитуда; размах; охват'¹⁴) 'раздвигать; расширять; растопыривать; топырять; тарачить; развертывать; раскрывать' и т. д. (см. LKŽ V, 644 и след. и *skēsti* — LKŽ XII, 845—847)¹⁵.

Учитывая семантику этих двух групп слов (верхушка, выступ, гряда как нечто выдающееся, торчащее, топырящееся, ощетиивающееся, взятое в размах, в расширении, в развороте и т. п.) и сосуществование двух вариантов корня **kēt-*: **skēt-*, приходится сделать заключение о несомненности связи этих балтийских примеров со слав. **čet-*: **ščet-* (из **sket-*), которые реализуют такие значения, как 'щетина; щетка; хвоя; кисти; грозди' и т. п. (ср. рус. диал. *цетъ* 'часть кол; тын из кольев, жердей стойком' (Даль) — при *цетить*). И балтийские и славянские примеры взаимно высвечивают и прояв-

ляют общие смыслы. Ср. лит. *sparnuoli pusnykai nusukę paudriui plienines keteras* (LKŽ V, 648) при рус. *стальной щетиной сверкал*. . . у Пушкина (*ket-era: *sket-ina > щетина*)¹⁶ или определение элемента *щет-* в словаре Даля — «что топорщится, пырится как щетина» (IV, 1505) — при том, что 'пырится; топорщится' могут пониматься как значения лит. *kēsti* и, следовательно, давать основание межъязыковой *figura etymologica: kēt- [kēsti] & [s]kēt- [щетина]*, т. е. 'щетиниться щетиной'. Эти же примеры открывают подход к семантической мотивировке иллир. **kēt-*, которое — в свете сказанного — должно пониматься, как то, что щетинится, топорщится образует выступы, гряду вершин и т. п. С этим определением, кажется, согласуются и лес (например, хвойный, с его островерхими, щетинообразными верхушками, образующими своего рода зазубрины, ср. с.-хорв. *četina (*ket-ina)* 'еловая, сосновая хвоя, иголка', но и 'щетина', чеш. *čelina* 'хвоя; иголка', диал. *čelyna* то же, словац. *četina, čečina* 'хвоя', польск. диал. *czaczina* 'хвоя; иголки хвойных деревьев'; болг. *четина* 'можжевелник', но и 'щетина', макед. *четина* 'щетина'; в.-луж. *čec* 'гроздь; связка (напр., орехов); кисть' и т. п.¹⁷; ср. также продолжения **ščet-* ('щетина; щетка; чесалка; кисть; ограда' и т. п.), в том числе довольно многочисленные примеры обозначения словами этого корня растений щетинообразного вида), и гора, точнее — гряда горных пиков, островерхих возвышений, серия выступов. Иначе говоря, корень **kēt-*, видимо, связывается с комплексом горы, поросшей лесом, причем и в конкретных условиях в этом комплексе мог актуализироваться то первый (гора), то второй (лес) член, что хорошо известно и по другим примерам, в частности, из карпатского и балканского ареалов. Эта семантическая двойственность представлена и в основной лексеме для обозначения горы — слав. **gora* 'mons' — при болг. *гора* 'лес', лит. *giria* 'лес', прус. *garian* 'дерево' (ср. болг. *горун* 'вид дуба', с.-хорв. *горун*, рум. *goron, gorun*, заимствование из славянского, и т. д.). Такой семантической мотивировке элемента **kēt-* в связи с обозначением поросшей лесом горы вполне соответствуют и мифологические образы Карпатских гор и лесов, как они зафиксированы в народной словесности и в отдельных произведениях художественной литературы¹⁸.

В случае, если объяснение иллир. **kēt-*¹⁹, приуроченного к Карпатам (ср. *Бескиды* и др.), верно, перед нами еще один типично карпатский архаичный ландшафтный термин, отраженный по обе стороны от Карпат — к югу и к северу. Интересно, что, оказываясь к северу, на равнинной, как правило, местности, такие термины подвергаются (по сравнению с карпатско-балканскими соответствиями²⁰) некоторой перестройке с тем, чтобы сохранить связь с обозначаемой ими реальностью²¹. В только что разобранном случае существенно, что в балтийском ареале элемент **kēt-*, чтобы соответствовать карп.-балк. **kēt-*, нуждается в дополнительном определении «по высоте», ср. *k a l n o ketera*, т. е. гребень горы. Таких сдвигов немало и среди других терминов, описывающих ландшафт. Если же нет указаний на «вертикальную» ориентацию ландшафтного объекта, обозначаемого элементом **kēt-*, то этот элемент на равнин-

ной местности мог, видимо, обозначать нечто, являющееся г о р и з о н т а л ь н о й проекцией общей идеи, т. е. раздвинутое, расширенное, распространенное, растянутое вширь (это объясняло бы применение элемента *kēt- к обозначению озер, в частности, с обилием заливов, вдающихся в сушу)²² или, наоборот, разнонаправленное, резко меняющее течение на относительно ограниченном участке пути (эта горизонтальная «щетиристость» (принцип «гармошки») могла дать основание для отнесения элемента *kēt- к соответствующему типу рек)²³. Учет всей совокупности объектов, обозначаемых корнем *kēt-, дает возможность сформулировать и н в а р и а н т н о е значение этого корня — некое расширение, захват, размах, выступ—выход за пределы. В некоторых вариантах при введении идеи быстрого (внезапного) энергичного движения возникают семантические мотивы агрессивности, угрозы, опасности, направленной изнутри вовне и т. п. ('щетиниться', 'ощетиниться'), которые, кажется, дают возможность объяснить еще одно применение корня *kēt-.

Речь идет о др.-греч. κῆτος (-εος), слове среднего рода, этимология которого остается неизвестной (ср. Frisk 1, 846 — «Unerklärt. Verfehlte idg. Etymologien sind bei Bq. und bei WP 1, 348»; Ghantraîne 2, 528 — «Et.: Inconnue»). Этим словом обозначалось огромное морское животное (уже у Гомера и поэтов), в частности, чудовище, угрожавшее Андромеде и убитое Персеем или Гераклом (Еврипид, Аристофан); у Аристотеля κῆτος обозначает 'кит', 'китообразное' (позже этим словом обозначалось соответствующее созвездие)²⁴. Первоначальная связь κῆτος с обозначением морского чудовища не вызывает сомнения (в частности, она вытекает из анализа сложных слов с элементом κητ-, ср. κητο-φόνος 'убивающий морских чудищ', κητο-δορπος 'кормящий морских чудищ', μεγα-κήτες 'полный морских чудищ' (как эпитет к πόντος 'море', ср. Od. 3, 158, или δελφίς 'дельфин', ср. II. 24, 22, или к кораблю с глубокими кормами, ср. II. 8, 222; 11, 5; 11, 600), βαθυ-κήτης 'содержащий чудищ в глубине' (о море, Thgn.), πολυ-κήτης 'с многочисленными морскими чудищами' (Theoc. 17, 98/ и др.)²⁵. Очень правдоподобно, что морское чудовище могло обозначаться именно как щетинистое (*kēt-); во всяком случае известные изображения чудовищ древнегреческой мифологии постоянно подчеркивают мотив агрессивного испускания из тела в направлении жертвы голов, рогов, шипов, конечностей и т. п.²⁶ Кит, как поразившее воображение «чудо-юдо», некая «сверх-рыба», был обозначен (и параллели к этому известны во многих традициях) словом, относившимся к мифологическому морскому чудовищу («щетиристому»). Во всяком случае в народной традиции кит нередко описывается как морское чудовище, снабженное шипами, колючками и т. п.²⁷, что, между прочим объясняет попытки приспособления к обозначению кита слов, используемых в связи с рыбами соответствующего вида. Достаточно ограничиться одним примером: нем. *Walfisch* 'кит' в лютеровском переводе Библии в соответствии с *cete* в Вульгате) Бреткунас передает в своем литовском переводе пруссизмом *ešketras*, ср. прус. *esketres* (видимо, *esketras*), обозначающее о с е т р а ('Stoer', Э 567). Недавно было показано, что Бреткунас, за неимением в тог-

дашнем литовском слова для обозначения кита, сознательно отклонился от оригинала, избрав в качестве замены название большой знакомой рыбы — осетра²⁸; следует напомнить, что и позже у некоторых литовских лексикографов в XVIII—XIX вв. слово *erškėtris* применяется в связи с *Balaena* (при обычном *banginis* 'кит'). Нужно полагать, что выбор названия осетра в качестве обозначения кита объясняется не только (и, может быть, не столько) величиной осетра, но и присущей всем осетровым «щетинистостью». Именно такое впечатление производят свойственные им пять рядов жучек и зернистые косточки и пластинки (то же можно сказать и о внешнем виде ерша²⁹). В этих условиях название осетра, отличающееся этимологической прозрачностью (ср. лит. *erškėtas* 'осетр' при *erškėtis* 'шиповник', от 'шиг'), естественно могло быть перенесено на кита. Сходная ситуация могла иметь место и в древнегреческом языке, когда элемент **kēt-* был применен к обозначению морского чудовища, а потом и кита. Впрочем, и балтийские названия осетра и шиповника дают возможность поставить новый вопрос, который возвращает нас к тому же корню: не присутствует ли в этих названиях, известных в большом количестве фонетических вариантов и предполагающих, согласно мнению ряда ученых (см. Fraenkel, 123), разного рода контаминации, смещения и взаимовлияния, тот же элемент **kēt-* (**skēt-*), что и в др.-греч. слове, обозначающем кита («щетинистого»)? Сравнение названных литовских слов с их соответствиями в других индоевропейских языках делает особенно вероятным наличие в этих словах компонента **kēt-*, как раз и выделяющего их среди других параллелей³⁰.

Все эти рассуждения делают вероятным постулирование особого корня **kēt-*, не учтенного в словаре Покорного (качество согласного в аплауте зависит от возможных новых параллелей). Не исключено, что в этой перспективе получают разъяснения некоторые до сих пор темные слова в других индоевропейских языках³¹.

* * *

В ряде отношений сходная ситуация обнаруживается и при анализе элемента **gaur-*, ареал которого охватывает прежде всего карпатскую зону, а также часть Балкан. Наиболее полно соответствующие факты представлены в восточнороманских языках. Ср. дакорум. *găură* 'отверстие; дыра; щель; скважина; лоципа; ущелье; долина, ограниченная высокими и крутыми горами' и т. п. (ср. *găureân* 'жители горной долины'); adj. *găuros*, *găuriciós*, *găurit* 'полюй; дырявый; пробуравленный' и т. п.; vb. *găuri* 'сверлить; буравить', *îngăuri*, *zgăura* (о глазах), *zgăuri*, *zgăori*, *zgiuri* и т. п.; арумун. *gávra* то же (ср. в топонимии *Gávra Ursului*; в связи с возникающим здесь «медвежьим» (*urs*) мотивом стоит обратить внимание на народное название клочки медведя — *Gavrîlă*); мегл.-рум. *găură* то же, также 'пещера'; укр. *gávra* 'берлога', *gávura*, *gávora* считаются заимствованиями из румынского. Другой очаг форм с элементом *gaur-* находится в албанском ареале; ср. *gávër* 'дыра; отверстие; полость; скважина', *gávërë*, *sgăure*, *zgăure* то же, но и 'пещера; пустота; выемка', *zgaur*, adj.

gavrrúem, gavrrúer, zgávert; vb. *zgavrói* и т. п. Сюда же могут быть присоединены восточнороманские формы, в которых выступает *n* (в чередовании с *r*): дако-рум. *găun, găúne* 'впадина, полость', *găúna* 'дыра в земле'; adj. *găunós* 'полный дыр', vb. *a găuni*; арумун. *găvinós, găvinós* и др. Наконец, известны формы без *-r-* или *-n-*: дако-рум. *zgău* 'дыра'; *úterus*; *anus*; пустое место в горах; глубокая долина' и т. д.; арумун. *gúvă, gúvică* 'дыра; пещера; могила'; мегл.-рум. *gúvă* 'дыра'; алб. *gúvë, gúvër* 'дыра, пещера'; adj. *gúvniër, govósh, gúvósh* и т. д.³² Ландшафтная приуроченность элемента *gaur-* очевидна не только из круга значений, но и из широкого употребления в Карпатах и Прикарпатье соответствующих топонимов, собранных М.-М. Рэдулеску: *Găura Singerului* (Mureş), *Găureána* (Botoşani, Iaşi), *Găurëni* (Alba, Bistriţa-Năşăud, Hunedoara, Iaşi, Suceava), *Găuri* (Vrańcea), *Găuriciu* (Teleorman), *Gaura Fetei, Găurile* (Gorj), *Gávuri* (Hunedoara), *Găuricea* (Haţeg), *Găuriciul* (Bacău), *Găureánca* (Dorohoi), *Găureána* (Bacău), *Găureánul* (Tg. Ocna), *Găurëni* (Vlaşca), *Deálul-, Píriul-, Şésul-, Válea Gauréncëi* (Negreşti), *Găura* (Bucegi), *Găura Lúpului* (Alba, Drăganu, Români) в Румынии; ср. в северо-восточных Карпатах *Gaura, Gaurov*; в Моравии *Gaura, Gaurowy, Gahura*, в Польше: *Gawor* (стар.) и др. Элемент *gaur-* представлен и в топонимии южных Балкан и Средиземноморья; ср. др.-греч. Γαυρίς, о-в к сев. от Памфилии, Γαυρείον, порт на о-ве Андрос (ср. Γαυρεύς, название северного ветра: Γαυρεύς καλεῖται ὁ βορρᾶς. Arist.) и др., которым, однако, здесь не удастся уделить внимания (тем более, что остается неясным вопрос о возможной связи этих случаев с др.-греч. γαῦρος 'ликующий; веселый; резвый; гордый; надменный', ср. γαυρόομαι и т. п.)³³.

Представление о происхождении восточнороманских слов из латинских источников (*caulae* или **cavula*, от *cavus*), популярные в прошлом, нужно признать окончательно устаревшими и неспособными объяснить всю широкую и разнообразную совокупность лексем с корнем *gaur-*, выходящую далеко за пределы восточнороманских диалектов Прикарпатья и Балкан. Более верный путь был избран М.-М. Рэдулеску, который полагает, что дакийский (> румынские формы) и албанский сохранили в данном случае (как иранские языки, ср. пехл., н.-перс. *gōr, gur* 'могила', парачи *gūr*, сангл., ишкашим. *γār, γor* 'пещера', вазири *γōr* 'отверстие', *γār* 'пещера' и т. п. — все из **gaur-*) основу **gau-r-* или **ghau-r-* (из и.-е. **ghou-r-*) и что она отражается в ряде балтийских примеров — лит. *gvėrjñė* 'отверстие; дыра', *gvėrti* 'распатываться; расхлябываться', а также *giáurė* 'холодная почва', лтш. *gaurš* 'рыхлый' (*gaura zeme*)³⁴. Однако балтийские факты оказались отобранными неполно и не самым представительным образом; славянские факты вообще не привлекли к себе внимания. В результате история древнего и.-е. корня не была восстановлена хотя бы в наиболее важных ее частях, что и сказалось на отсутствии надежной семантической мотивировки слов с элементом *gaur-* во всем меридиональном поясе от Балтики до Балкан. Поэтому необходимо более полно привести данные из балто-славянской области и некоторые другие примеры. Наиболее точные соответствия обнаруживаются в северноевропейских языках. Ср. лит. *gaūtras, gaurai* 'космы; волосы; шерсть;

волокло; рясницы', *bried-gauré, bried-gauris* 'твердая сухая трава, растущая на холмах' (ср. *gauriné* 'волосы', «ѿипра»), *gaūrē, gaūris, gaurīš* 'торица полевая' (как и в ряде других ботанических названий: *gaurenē, gaurānēlis, gaurānēlē, gaurāniniai, gauruōtē, gauruōčē, gaurūnē, gaurūča, gaurēnis, gaurutē* и др.); 'космач' (ср. также *gaurīš* 'kas niekus kalba'), *gaura* 'мочалка; рогожа', *gaurījnē* 'твердая земля', *gaurūčas* 'Иванов червячок; светлячок'; *gauriūotas, gauriūotas* 'косматый; мохнатый; шерстистый' (*gauruotinė* 'косматая шкура'); сюда же должны быть отнесены и глаголы — *gaurōti* 'обрастать; зарастать' (в частности, волосами, ср. *gaurētas, gaurēti, apgāurēti, nugāurēti, prigāurēti* и т. п., а также с более специализированными значениями, ср. *gauriōti* «tik paviršium, prastai, nelygiai pianti šieną ar javus»; *gauriōti, prigauriōti* 'nieku prikalbėti', *gaūruti* 'сильно дуть; выть', но и 'идти' (ср. *gaurōti*, 2), *gauriūoti* 'идти; ползти' и т. п. (см. LKŽ III, 169—172; ср. *giāurē*³⁵, *giaurīš* 'Rallus aquaticus', III, 282). Из латышских примеров ср. *gauri* 'волосы на срамных частях', *gauris* (*gaūrs*) 'Spargula arvensis' (*gaūrī* 'семена сорняка, растущего среди льна'), *gaūris* 'нырок', *gaura* 'крохаль' (и обозначение злого человека), *gaūris* 'скряга', *gaūris* 'лентий'; *gaurš* 'рыхлый', но и *gaura* 'болтовня', *gauritis* (?) 'свисток'; *gaurāt* 'гудеть; шипеть; бурчать', *gaūrēt* «sinulos wiederholt schreien», *gaūrūot* 'реветь' и др. (Mūlenbachs — Endzelīns 1, 611—612). Показательны примеры с цулевым вокализмом корня: лит. *gūras* 'холм; бугор; выступ; вершина горы' (с постоянной связью со словом *kalnas*, ср.: *kalno gūras, gurēlis; to kalno labai status gūras*. LKŽ III, 741), *gūras, gurūs* 'рыхлый; рассыпчатый; хрупкий' *gurinīš* 'крошка', *gūrinti* 'крошить; бить, разбивать, разрыхлять', *gurēti* 'крошиться', но и *gūrinėti, gūrinti* 'идти согнувшись, ссутулясь' (ср. *gūr* 'человек, который ходит с вытянутой шеей, держась, однако, непрямо') лит. *gūrāt*, о медленном, неуклюжем, ленивом движении, походке (в частности, в согнутом положении, сгорбившись), *gūrināt, gūrnāt, gūruōt* (: лит. *gūruōti* 'идти поспешно, наклонившись вперед'), *gūrāt* и т. п. (Mūlenbachs — Endzelīns 1, 686), ср. также Fraenkel, 177—178. Сюда же следует отнести и довольно многочисленные местные названия на балтийских землях — лит. *Gaūrē, Gaurēliai, Gaurīliai, Gaurāičiai; Gaūr-apeivis, Gaurēnai, Gaūrės, Gaurinē, Gauriškē, Gauruōtē, Gauruōtēs, Gaurūkas*, река³⁶; лит. *Gaūra, Gaūras, Gauri, Gaūris, Gauraks, Gaūrata, Gaūratina, Gaūratnieki, Gaūrene, Gaūrine, Gaūriņi, Gaūriņš, Gaūrūota, Gaurode, Gaūra-grāvis, Gaūres-ļavas, Gauru-mūža, Gauru-pagasts, Gaūpa-ape, Gauraka-kalns, Gaūratas-gals, Gaūrata-ezers, Gaūrat-ezers, Gaūrēn-kalns* и др.³⁷; куршск. *Govrene*, 1253, *Gaurenen*, 1291³⁸).

В связи с приведенными балканскими и балтийскими словами славянские факты долгое время игнорировались или оставались на положении весьма дальнего и неясного фона. Отчасти это объясняется широким семантическим спектром славянских слов этого корня (впрочем, и балтийские примеры в этом отношении мало уступают славянским) и неясностью определяющих связей внутри всей совокупности примеров. Тем не менее и в славянских языках отчетливо выделяется некое ядро: с.-хорв. *gūritи(се)* 'сгибать(ся); корчить(ся); горбиться(ся); съезживать(ся)' (ср. *gūрати* 'толкать; шихать; совать;

втискивать⁴), *gǔrav* 'горбатый; согнутый; искривленный', *gǔra* 'горб'; рус. диал. *gǔрится* 'виниться' (СРНГ 7, 238), т. е. сгибаться (клясться), признавая свою вину. Другие примеры (обычно — обозначения движения), хотя и не входят в ядро, переключаются с отмеченными балтийскими фактами; ср. болг. *gǔрам* 'идти; уходить'; макед. диал. *гуркам* 'таскаться, шляться', словен. диал. *gurati* 'медленно ходить' (при *gúрати* 'изнашивать; зазубривать; затуплять; мучить'); чеш. *hourati* 'качать'. Третья группа примеров отстоит от ядра еще дальше, и далеко не всегда ясны пути развития значения (болг. диал. *gǔрам* 'купать' [о младенце], *gǔрам се* 'купать; окунаться' и др.). Интересно, что и у слов, восходящих к корню с нулевой ступенью вокализма, обнаруживаются значения, уже отмечавшиеся в связи с балтийскими примерами: помимо разных вариаций мотива согнутости, изгиба (ср. словен. *gír, gírin* 'сук', *gírjav* 'сучковатый', польск. диал. *gíra* 'большая негибающаяся нога', словац. *hýra* 'шишка' и др.), ср. в связи с балтийским обозначением волос, косм, чуприны и т. п. такие примеры, как укр. *gǐра* 'чуб; чуприна' (при *gǐря* 'низко остриженный', *gǐрявый* 'человек с плохими волосами на голове', рус. диал. *gǐрявый* 'стриженный; безволосый' и т. п. *gǐря* (курск.), то же), а в связи с лтш. *gāĩris* 'лентяй' — рус. диал. *огурь* 'лень' и т. п.; ср. также продолжения праслав. **gvor-*³⁹. Особый интерес представляют переключки балтийских и славянских слов в обозначении неясной речи (ср. **gvariti*: польск. *gwarzyć* 'болтать; невинно бормотать' и др. при **gvarati*: болг. *гв̀арам* 'шлепать по грязи', с.-хорв. *гв̀арати*, ср. *guriti, -ati* и т. п., — в связи с приведенными выше балтийскими фактами).

Из параллелей в других и.-е. языках ср. норв. *kaure* 'завитый локон волос, шерсть', *kaur* 'завитая шерсть', др.-исл. *karr* 'завитый локон' (ср. подробнее — Роконгу 1, 398); ср.-ирл. *gúaire* 'волосы' (из первоначального — 'завитые волосы'); др.-греч. γῦρός 'круглый; изогнутый', γῦρος 'круг, окружность', γῦρόω 'искривлять'; арм. *kuĩn* 'спина'.

Все эти примеры позволяют сделать вывод о смысловом единстве исходной и.-е. формы **geu-r-* / **gou-r-* / **gũr-*. Несомненно, она обозначала нечто отклоняющееся от нормы, конкретнее — от нейтрально-ровного. Это отклонение можно определить как изогнутость, реализующуюся в двух вариантах — выпуклость (вверх, наружу) и вогнутость (вниз и внутрь). Эти два значения порознь или в сочетании друг с другом могут объяснить применение анализируемого комплекса к обозначению разных видов неровного ландшафта (выпуклого — в балтийском [гора, холм], вогнутого — в карпатско-балканских языках [пещера, яма, горная долина, ущелье, и т. п.]) или кудрявых волос, шерсти (балтийские, славянские, германские факты)⁴⁰. Во всяком случае языковые данные неоднократно подтверждают объединение двух смыслов — изогнутости топографических объектов и кудрявых волос. Ср., напр., прус., ятв. *garbis* 'гора' при лит. *gaĩbus* 'человек с кудрявыми волосами' или *кучери* 'кудри', *кучерявый*, чеш. *kičera* 'локон', словац. *kičera* (из **kuk-er-* < **kouk-er-*, ср. рус. *кю́ка* 'крюк', лтш. *кайка* 'чуб') при лит. *кайкарас* 'холм; бугор; вершина горы',

литш. *kukurs* и т. п. Но, как и в первом случае (см. о **kčl-*), судьба **gaur-* (< **gou-r*/**geu-r*/**gū-r-*) развела карпато-балканский ареал с более северным балто-славянским. Противоположные идеи нашли здесь общее выражение: предельная вогнутость (пещера, яма, полость) — балкан. *gaur-*; предельная выпуклость (пузырь, сфера) — слав. **gvorъ* (др.-рус., ц.-слав. *гворъ* 'дождевой пузырь', рус. диал. *гвор* 'пузырь на воде' и т. п.).

3. Др.-инд. *liṅga-* в индоевропейском контексте

Это слово, обозначающее знак, признак, примету, характеристику, эмблему, а также *membrum virile* (знак пола), остается до сих пор не объясненным удовлетворительно («Nicht überzeugend erklärt», согласно Maughofer 19, 101) ⁴¹. Это обстоятельство в сочетании с некоторыми другими (*liṅga-* не отмечено в древнейших текстах, в частности, его нет в Ригведе; слово связано с ритуальными объектами — образами детородного члена в виде заостренного камня или колонны, часто выходящего из *yonī-* 'vagina' (таких каменных *liṅga-* в Индии насчитывалось до 30 миллионов), а фаллический культ обычно связывали с автохтонным неиндоевропейским населением Индии ⁴², в частности, в восточных и южных ее частях, которые подвергались арианизации существенно позже и в ряде случаев более поверхностно; наконец, непонятна семантическая мотивировка (внутренней формы) самого слова, его изолированное положение при том, что слово *liṅga-* принадлежит не просто к числу важных понятий, но и к сакрализованной ритуальной терминологии, и т. п.) заставило некоторых ученых искать объяснение этому слову в лексике автохтонных австронезийских языков ⁴³, но и здесь убедительных решений не было найдено. Последнее слово в этой области скорее ориентирует на поиск ответа в индоевропейских данных: «Arischer — und indogermanischer — Ursprung des Wortes für «Merkmal» . . . ist prinzipiell glaubhaft» (Maughofer 19, 101). Однако путь к решению не указывается тем более, что принадлежность к этому кругу глагола *ā-liṅg-* ставится под вопрос («Fraglich»).

И все-таки именно глагол *liṅg-* оказывается наиболее надежным проводником в этом этимологическом лабиринте, в центре которого скрыта загадка др.-инд. *liṅga-*. Сам глагол *liṅg-* принадлежит к числу довольно редких и плохо исследованных. Поэтому уместно обозначить бесспорное. Глагольная основа *liṅg-* в бесприставочном употреблении появляется в Praes. *liṅgati* (1-й класс) и *liṅgayati* (10-й класс). Первая форма, отмеченная только в «Dhātupāṭha» (V, 48), обозначает 'идти' (можно предполагать, что речь идет о какой-то нестандартной, специфической манере походки) ⁴⁴. Вторая форма, засвидетельствованная там же (XXXIII, 65), обозначает 'расписывать красками; раскрашивать' (видимо, разными красками), но у Впадаевы, схолиастов и комментаторов также — 'изменять' (снабжать флексией) имя существительное в соответствии с его родом (грамматическим). Песмогра на то, что эти разные значения закреплены за разными классами презентных основ, едва ли можно сомневаться

в лексико-семантическом единстве *liṅg-*, существенной чертой которого с избранной здесь точки зрения следует считать мотив отклонения от нормы (от нейтрального состояния), внесения разности (пестроты). Элемент *liṅg-* встречается и в сочетании с приставкой *ā-* в ряде текстов эпического и классического санскрита. Глагол *ā-liṅg-* (*ā-liṅgate*, med.) обозначает 'сжимать; соединять; (сводить) члены; обнимать; охватывать' (Махабхарата, Катха-сарит-сагара, Панчатантра и др.) или, напротив, 'распространять; растягивать' и т. п. (VarBrSamh.); ср. также *āliṅga-*, род. барабана; *āliṅgana-* 'объятие', *āliṅgita-*, *āliṅgin-*, *āliṅgya-* но и *liṅgana-* 'объятие', *liṅgya* и т. п.⁴⁵ Бросается в глаза идея разнонаправленности — *ā-liṅg-* — сближение, соединение, сужение и удаление, разъединение, расширение. На этом основании можно думать о реализации в этом глаголе исходной семантической конструкции, которая могла обозначать движение в разных направлениях (туда и сюда, вперед и назад, внутрь и вовне, к и от), с отклонением от стандартного регулярного движения (по прямой, признаваемого за нейтральное, что-нибудь вроде 'качаться; раскачиваться; махать' и т. п. Сходную семантику обнаруживает и фонетически близкий глагол *raṅg* (*rāṅgati*), описывающий разнонаправленное (туда и сюда) движение и возводимый иногда к и.-е. **leng-* (Pokorny I, 676) с надежными продолжениями в балтийском, славянском и албанском. Однако это слово в данном случае лучше оставить в стороне: во-первых, оно принадлежит к числу редких и поздних лексем, которые, по мнению некоторых специалистов, не имеют ничего общего с и.-е. **leng-* (Mayrhofer 18, 33); во-вторых, остается неясным отношение этого *raṅg-* с *raṅga-* 'олово' (ср. пракр. *raṅga-*, хинди *rāṅg/ā* /, непали *rāñ* и др.) и с *raṅga-* 'цвет; краска; театр; сцена' (ср. н.-перс. *rang* 'цвет').

Впрочем, и без этих слов др.-инд. *liṅg-* с указанным спектром значений дает основание для указания достоверных индоевропейских параллелей и, главное, последние помогают определить семантическую мотивировку др.-инд. *liṅga-* и как слова для знака и как слова для *membrum virile*. Балтийские и славянские данные оказываются в этом отношении особенно ценными. Ввиду их многочисленности и многообразия придется ограничиться лишь частичными указаниями. Отмеченные выше значения др.-инд. *liṅg* (глагол прежде всего), как и реконструируемые на их основе исходные смыслы, связанные с обозначением нестандартного движения, находят точные (но более полные) параллели в этих примерах, как лит. *lingūoti* 'качать; качаться; колыхаться; шататься; сгибать(ся); кланяться; склоняться; с трудом идти' («lėtai, sunkiai, svyruojant eiti, važiuoti», ср.: *Jurgis jau lingavo keliu ant Snaudžių; Barškėjo dvi arklį traukiamos grėbiamosios, į vieškelį lin gavo prikrauti vežimai; Lingūojas, lingūojas ant vietos, nė eiti dorai nemok.* LKŽ VII, 529—530), 'работать согнувшись', *liṅginti* 'идти качаясь, сгибаясь', *lingėti, lingėnti, linginėti, lingti, lingurti; lingačiūoti, lingėčiūoti, lingučiūoti, lingesčiūoti* (ср. также *lėngti, leṅgti* 'слабеть; никнуть; долго болеть', *lėngėti* и под.)⁴⁶; лтш. *lingūt(ies), ligāt* 'качаться; колыхаться; колебаться; шататься;

идти покачиваясь; медленно работать; петь песни («лиго») и др. (Müle 1-bachs — Endzelīns II, 484; ср. *ļēngāt* 'шататься' и др.; *ļuočzīt, ļuogāt* 'zum Wanken bringen', -tiēs); рус. *лягáть, лягáться* 'качать из стороны в сторону; махать; развеваться; двигать(ся) взад и вперед; сучить (ногами); биться в судорогах, конвульсиях; качаться; колыхаться; трепыхаться; пошатываться на ходу из стороны в сторону; болтаться: свободно свисать' и т. п. (СРНГ 17, 254—255, ср. *лягэндать* 'трястись', *лэгандать, лэгэндить, лэгайдать*. СРНГ 17, 309, 310) и др.

Эти примеры, перекликающиеся с др.-инд. *liṅg-*, в отличие от последнего менее изолированы и входят в более крупные совокушности семантически и формально связанных лексем, где обнаруживаются и такие значения, которые не представлены др.-инд. *liṅg-*. Таковы, например, обозначения неустойчивой, колышущейся, тряской почвы (обычно болотистой или заполненной водой впадины, низины, выемки). Ср. лит. *lingūnas* 'klampī vieta, pelkė' (*Velniui ir... lingynai vieškeliais nusėti*. LKŽ VII, 527), *lėngė* 'дол; впадина; низина; углубление' и т. п. (ср. *lėnkė* то же), — при *Ling-, Lang-* в обозначениях низко расположенных (в частности водных) объектов, ландшафта (лит. *Lāngas, Lāngabalė, Lāngiaraistis, Langinė*, лтш. *Lānga, Langa-purvs*, прус. *Langene, Langodis* и др. при: лит. *Lingis, Linga, Lingaraitis; Liūgė, Lingumà* и др.⁴⁷), ср. также лит. *lankà* 'луг' и т. п. Еще многочисленнее соответствующие славянские примеры, среди которых особенно показательны рус. диал. *ляга* 'болотистое топкое место; болото; сырое место' («скопление воды в низком месте и само топкое место»); болотистая лужайка; поляна; лощина; впадина (обычно заполненная водой); яма, выбоина; рытвина (на дороге); лужа, грязь, слякоть; глубокое место в реке; омут, небольшой водоем, озеро; сухое место среди болота; неудобная земля; дырка, лунка; трава (болотная?), похожая на осоку?, ср. *лягóтина, ляготь, лягова, ляговина, лягюрь(?)* и т. п. (СРНГ 17, 253—255)⁴⁸.

Но, конечно, более интересны не те примеры, которые находятся на периферии по отношению к др.-инд. *liṅg-*, особенно *liṅga-* и, так сказать, «экстенсивно» реализуют возможности, заложенные в словах этого корня. Несравненно существеннее те балтийские и славянские параллели (будь то отдельное слово или целые — пусть небольшие — контексты), которые фиксируют хотя бы частичное сходство с др.-инд. *liṅga-* как раз в сфере выражения смыслов, связанных с знаковостью. Среди различных типов семантической мотивировки слов, передающих идею знака (ср. лат. *signum* 'знак' как насечка (*secō, segmen* и т. п.), вырезанная на предмете отметка, придающая ему знаковый характер; или слав. **znakъ* — в связи с и.-е. **gʰen-* 'рождаться; быть в родстве' и 'знак' (ср. также использование этого корня для обозначения частей тела — колено (ср. *поколение*), подбородок и т. п.⁴⁹); или др.-греч. *σῆμα* как нечто воспринимаемое зрением, видимое), если *σῆμα* связано с др.-инд. *dīdhiti-* 'блеск, сверкание' и т. п.⁵⁰ к *dhyā-*), видное место занимает такой способ обозначения, при котором знаком считается то, что подвешено (привязано или жестко укреплено) на высоком вертикальном предмете и обычно развевается, раскачивается, трепещет (ср. знамя, флаг, если говорить

о наиболее известных и доживших до наших дней знаках этого типа) или приводится движение путем размахивания. Будучи отмеченным как верхняя точка вертикали и находясь в движении, такой материальный субстрат знака оказывается особенно броским и легким для восприятия с помощью зрения (заметным). Поэтому конструкция этого рода более или менее повсюду используется для сигнализации. Такие примеры (см. СРНГ 17, 254), как рус. диал. *флаг лягается* (т. е. развевается по ветру) или *Три раза фонарем лягнул: парус снимать* (где *лягать* значит «качнуть что-либо, махнуть, сигнали, предупреждая о чем-либо»), или, наконец, просто *лягнуть рукой* (т. е. махнуть ею, подавая сигнал) и т. п., свидетельствуют со всей бесспорностью употребительность корня *ляг-* (слав. **leg-* < и.-е. **leng-*/**ling-*) при обозначении знака, сигнала⁵¹, во-первых, раскрывают семантическую подоплеку такого обозначения (разнонаправленное движение объекта-знака), во-вторых, и доставляют точную параллель к др.-инд. соотношению *liṅga* ‘знак’: *liṅg-* (как обозначение разнонаправленного значения), в-третьих⁵². Если русские примеры бросают свет на то, каким образом такое действие трактуется как знаково обусловленное, то литовские факты относятся прежде всего к обозначению того объекта (длинный вертикальный предмет, служащий для подвешивания, нежесткого прикрепления к его верхней части чего-то раскачивающегося), который в других традициях может выступать как сам знак или его носитель («держатель»). Так, в связи с др.-инд. *liṅga-* заслуживают особого внимания лит. *liṅgė* ‘жердь или пест для подвешивания колыбели’ (ср. *Reikia pritaisyti liṅgė, kad būt kur lopšys pakabinti*), но и ‘рессора’⁵³, *liṅgynė* то же (*Liṅgynė yra kartis, ant kurios pakabintas lopšys kūdikio linguojas*), но и ‘колыбель, люлька, качели’ (ср.: *Reiks vėlai gulti reiks ankstie kelti, ... liṅgynelę linguoti; Daug gražią mergelių liṅgynėj linguojasi*), *liṅgstis* и др. (см. LKŽ VII, 525, 527—528). Легко заметить, что обозначение песта, жерди с помощью элемента *liṅg-* отсылает и к стандартной метафоре *membrum virile*, обозначаемого через соотнесение с указанными объектами или с соответствующими движениями (раскачивание, размахивание (ср. *махаться* в любовном словаре XVIII в., разумеется, с иной мотивировкой), приведение в вертикальное положение и т. п.)⁵⁴. Следовательно, и др.-инд. *liṅga-* ‘*membrum virile*’ могло предполагать сходную мотивировку и не сводиться с непрямою к его производству от первичного *liṅga-* ‘знак’. И уж во всяком случае др.-инд. *liṅga-* как мужской признак (знак мужчины, пола) получает благодаря проанализированным балтийским и славянским фактам не только надежные параллели, но обретает более или менее очевидный индоевропейский контекст — как языковой (он может быть более или менее существенно расширен хотя бы за счет таких потенциальных соответствий, как тох. АВ *länk-* ‘pendere’ (< и.-е. **leng-*), др.-греч. λαγγάζω ‘ослабевать’, может быть, хет. *liṅgāi-*, *liṅgan-* ‘клятва’, *liṅganu-*, *länk-* ‘клясться’⁵⁵, алб. *lëngor* ‘гибкий’, ср. также *lëngóĵ* ‘чахнуть, изнемогать; болеть’, *lëngátë* ‘болезнь; недуг’ (ср. выше др.-греч. обозначение слабости) и т. п., не говоря уже о формах без *n*, выступав-

него некогда как инициал), так и ритуальный и специально знаково-культурный (ср. такую отмеченную категорию знаков *pat excellence*, как мировое дерево с функцией в связи между космическими зонами, ср. лат. *ligare*: и-с. **li-n-g-*) и разные его трансформации и снижения, нередко кодируемые элементом **ling*/**leng-* и под., — столб, шест, древко, жердь, знамя в различных его исторически засвидетельствованных формах (хоругвь⁵⁶, бунчук с развевающимся конским хвостом, флаг, разные знаки римских легионов, вымпел и т. п.) и др. вплоть до *tembrum virile*, знака мужщины и рода).

- ¹ См.: Трубачев О. И. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, 284; *Он же*. Ранние славянские этнонимы. 1. Славяне и Карпаты. — Симпозиум по проблемам карпатского языкознания. Тезисы докладов и сообщений. М., 1973, 56; *Он же*. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ 1974, № 6, 52.
- ² Ср. чеш. *Ještěd*, название горы в Северной Чехии, трактуемое (см. названные работы) как **ash-kēt-* 'исеневый лес'. Иначе трактуется чеш. [*Ještělice*, название деревни около Ruchnov'a (ср.: *Jan z Rzymycz. . . z Jesstietyz*, 1422 и т. п.), см.: *Profous A. Místní jména v Čechách. Díl II, Praha, 1949, 136* (из *Nom. pr. Ješek* (от *Jech* < *Jan*) с помощью *-eta* > -'ata).
- ³ Ср. ветхозаветный Киттим (Числа 24, 24; Исайя 23, 12).
- ⁴ К толкованию названия жителей Дервы как 'Waldleute' ср.: *Mayer A. Die Sprache der alten Ilirier. Bd. 1. Wien, 1957, 44*.
- ⁵ См.: *Gerullis G. Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin—Leipzig, 1922, 61* (автор предпочитает сравнивать эти примеры с такими *Nom. pr.*, как прус. *Keite*).
- ⁶ См.: *Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925, 44*.
- ⁷ См.: *Lietuvos administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas. II dalis. Vilnius, 1976, 132*.
- ⁸ См.: *Lietuvos upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963, 73*.
- ⁹ См.: *Endzelins J. Latvijas vietvārdi. I daļa. 2. sējums. K.—O. Rīga, 1961, 211*.
- ¹⁰ См.: *Būga K. Rinkiniai raštai, III. Vilnius, 1961, 61*; *Топоров В. И., Трубачев О. И.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, 212 и др. — Ср. др.-греч. гидроним *Κέτος* (в Эолии) (?).
- ¹¹ К ранее приводившимся балкано-карпатским и средиземноморским соответствиям, охватывающим не только отдельные факты, но и некие топонимические микроконтексты, можно добавить карп.-балк. **Karpat-* (*Καρπάτης ὄρος* и т. п.) & **kēt-* (**bic-kēt-/-kit-*, *Κέτιον ὄρος* и т. п.) — средиземноморск. (кипр.) *Καρπάσια*, местечко на сев.-вост. оконечности Кипра (ср. также *Κάρπαδος*, о-в между Критом и Родосом, *mare Carpathium* как обозначение Эгейского моря и т. п.) & *Κέτιον, Citium* (**kēt-/-kit-*), на юге Кипра. Эта же пара **Karp-* & **Ket-* известна и в балгийском ареале.
- ¹² Ср.: *Balnas arklį suspaud ant keteros; Arkllys nusigrandė sau keterą; Drožiau vilkui į keterą; Kai šuo lenda, tai katė tik keterą pastato ir prunkščia; Sunes jo užpakaly keteras pasiausė; Prieš viens kitą keteras stalo kaip katinai; Žiūri — viens ant kito keteras pastatę* и т. п. — LKŽ V, 648.
- ¹³ Ср. особенно (в отношении к горному ландшафту): *Nušvitusiam danguje aiškiai ryškėjo trys keteros* (три вершины); *Anšra juokėsi kalnų keterose* (на горных вершинах); *Jie atšlianžė į kalvos keterą* (на вершину холма); *Iš pietų — kreidinė kalno ketera* (горная вершина); *Iš už kalnų keteros* (из-за горной вершины) *pilė vėsus vėjas; Kalnų* (горы), *atstatę savo keteras* (вершины), *debesis rėmė* и т. п. См. LKŽ V, 648; XII, 847—849 (ср.: 'вершина крыши; конек; вершина горы'; *Sėk nesėk sketero j nickas neuga; Vėjas šniokšdamas per parko ciršūns skriejo į akunotas kalnų sketeras* и др.).
- ¹⁴ Ср.: *Visas jo dirbtojo darbo kėtis toks platus, jog nė negalima, kad kalbos dalykus būtų aplenkęs* (LKŽ V, 651).

- ¹⁵ Прежде всего привлекают внимание метафорические образы с участием этого глагола в связи с «древесной» тематикой, ср.: *Auk, obelėle, aukščiau dvaro, kalėda, kėskie šakelės, plačiau dvaro, kalėda; Medis nuo šalčio kėčias ir sprogsia; Jis... kėtė rankas kaip medis* (ср. также: *Kėčias, kėčias pinavijos rūtelius darželius; Pumpurai kėtėsi, žydėjo* и т. п., LKŽ V, 644); *Medis, žiedas, lapas skėčias; Ažuolo šakos skėtės* и др. (LKŽ XII, 846).
- ¹⁶ Характерно в семантическом плане само соотнесение двух формантов — литовского (-*era*) и русского (-*ина*).
- ¹⁷ См. ЭССЯ 4, 93, 99; Słownik prasłowiański 2, 179, 188 (с отсылкой к *šē-*lina, *šētь*).
- ¹⁸ Значения, восстанавливаемые для корня **kēt-* и реализующиеся в таких клишированных образах, как щетинистые верхушки деревьев или островерхих гребней в горах (эти образы часто используются для описания карпатского ландшафта в географической, природоведческой, краеведческой литературе), актуализируются с особой силой в архетипическом образе Карпат в «Страшной мести» Гоголя. По сути дела, «щ е т и н я т с я» г о р ы («... идут рядами высоковерхие горы. Гора за горой, будто каменными цепями, перекидывают они вправо и влево землю и обковывают ее каменной толщей... Идут каменные цепи... и громадою стали в виде подковы между галицким и венгерским народом. Нет таких гор в нашей стороне. Глаз не смеет оглянуть их... Чуден и вид их: не задорное ли море выбежало в бурю из широких берегов, вскинуло вихрем безобразные волны и они, окаменев, остановились недвижно в воздухе? Не оборвались ли с неба тяжелые тучи и загромождали собой землю? ... а белая верхушка блестит и искрится при солнце... Горы этой нет выше между Карпатам, как царь поднимается она над другими...»), «щ е т и н я т с я» д е р е в ь я в л е с у («Ему чудилось, что все со всех сторон бежало ловить его: деревья, обступивши темным лесом, и как будто живые, кивая черными бородами и вытягивая длинные ветви, силились задуть его...»), «щ е т и н я т с я» м е р т в е ц ы («Ворчал он по сторонам мертвыми глазами и увидел поднявшихся мертвецов от Киева, и от земли Галичской, и от Карпата... И все мертвцы вскочили в пропасть, подхватили мертвеца и вонзили в него свои зубы. Еще одна всех выше, всех страшнее, хотел подняться из земли; но не мог, не в силах был этого сделать, так велик вырос он в земле; а если бы поднялся, то опрокинул бы и Карпат...»). Но через образ щ е т и н ы (**sket-* : **ket-*) описывается и колдун, отец Катерины, нашедший на Карпате свою гибель — «Но отчего вдруг стал он недвижим... и отчего волосы щ е т и н о ю поднялись на его голове? ... Все пропало». — К мотиву «щетинящихся», «растопырывающихся» ветвей (см. выше у Гоголя) примеры уже приведены. В литовском эти же атрибуты очень характерны и для рук, ср.: *rankas praskėsti, išskėstomis rankomis* и т. п. (LKŽ XII, 847—848); собств. — «ощетинивать руки».
- ¹⁹ Интересно, что «карпатская» форма этого корня с исходом на звонкий смычный (**kēd-*), предполагаемая названиями типа польск. *Bieskidy, Bieszczady* и т. п. или чеш. *Ještěd*, согласуется с отмеченной в балтийском синонимичной (по отношению к **kēt-*) разнovidностью **kēd-*, ср. лит. *kėdoti* (*Kalbėdamas jis kėdėja rankomis* и т. п.): *kėtōti*; ср. Fraenkel, 246 (где указана форма *kėdōti*).
- ²⁰ Ср. также название кипрского города Κίτιον, славившегося своими соляными копями и (ср. рус. *копь* 'яма' — *копеч* 'холм; насыпь' и т. п.). Очень похоже, что Κίτιον (< **kēt-*) связано с тем кругом слов, к которому принадлежит не объясненное до сих пор др.-греч. *κῆτος*, значение которого предположительно восстанавливается как 'изрытый ущельями; избыливающий пропастями' и т. п. (см. также ниже).
- ²¹ Точнее было бы, отказавшись от фиксации исходного состояния, прибегнуть к установлению двух разных типов отношения между 'даным элементом (лексемой) и двумя разными — для севера и для юга — денотатами.
- ²² В другом месте был поставлен вопрос о возможности связи индоевропейского обозначения числа 4 (**k^hetor-/ner-/ur-*) с идеей разветвления, разворачивания и т. п., выражаемой, в частности, балт. **kēt-*. Это предположение согласо-

- вывалось бы с обозначением объектов ландшафта с горизонтальным измерением.
- 23 Использование корня *ket-/*sket- в качестве Nom. pr. (см. выше прусские примеры) находит свои аналогии в примерах с эксплицированной семантикой, ср. *Щетина, Щетинин, Щетка* и т. п.; см. *Веселовский С. В.* Опомастикон. М., 1974, 377.
- 24 См. *D'Arcy W. Thompson.* A Glossary of Greek Fishes. London, 1947, s. v.
- 25 Элемент *κῆτ-* входит в состав Nom. pr.; ср. имя титаниды *Κῆτος*, дочери Понта и Гей, сестры и жены Форкиса, матери Грайи, Горгоны, Эхидны; имя чудовища, посланного Посейдоном для наказания Андромеды, *Κῆτος (Cēlus)*.
- 26 См. *Fontenrose J. Python. A Study of Delphic Myth and Its Origins.* Berkeley—Los Angeles, 1959 (иллюстрации).
- 27 Теоретически можно было бы думать о выборе корня *kēt- в связи с названием книги как актуализации мотива его исключительных размеров (размах, расширение), но реальные аргументы в пользу этого предположения остаются неизвестными.
- 28 См. *Zulys V. Keleto retų žodžių istorija.* — *Baltistica* 1, 1966, 152—153.
- 29 Ср. старорусскую «Повесть о Ерше, Щетиннике и сыне», в которой мотив «щетинистого» ерша (ср. колючки на жаберных крышках) опирается на соответствующую фольклорную традицию (само слово *ерш* обозначает не только рыбу, но и зазубренный гвоздь, заостренный зубец остроги, торчащие (стоящие) волосы, ежа и т. п., см. СРНГ 9, 36). Ср., между прочим: Долго ерш еще кричал | . . . А проказника дельфины Все ташили за щетини | . . . «Конек-горбунок»; не менее выразительно описывается здесь же и кит: Поперек его лежит Чудо-юдо рыба-кит. Все бока его изрыты, Часток олы в ребра вбиты. . .
- 30 Сходным элементом могли бы быть, например, *eš- (*erš-) и *kēt-/*skēt-. Ср. показательный контекст — лит. *pirštus susibadžiau į ešerio ketrą* «я уколол себе палец об колючки (гребень, плавник) окуня» (LKŽ V, 648), где как раз оба элемента *eš* и *ket-* соседствуют.
- 31 Сугубо гипотетически (учитывая образования типа *ket-er/ar-) можно поставить вопрос об обращении в этом контексте к таким неясным словам, вероятно, догреческого происхождения, как *Κιθαρόν* (лесистая гора на границе Аттики и Беотии) или *κιθάρα* «кифара» и связанное с ним *κιθαρός* «грудь; грудная клетка», но и «плоская рыба типа камбалы» (метафорическое обозначение рыбы по музыкальному инструменту само по себе может свидетельствовать — с известным вероятием — о некогда имевшем место обратном процессе; ср. «распяленность», «растопыренность» кифары, обеспечивающая натяжение струн, или ряд колышков-выступов (*κιθλαζοί*) на перекладине (*σολών*) и т. п.
- 32 Весьма полное собрание примеров и их анализ см.: *Rădulescu M.-M.* Romanian Words of Dacian Origin. 1. Romanian *gaură* and its family of words. — In: *Studia Indoeuropaea ad Dacoromanos pertinentia. 1. Studii de tracologie.* București, 1976, 105—117; ср. *Idem.* Daco-Romanian-Baltic common lexical elements. — *Ponto-Baltica* 1, 1981, 39—41.
- 33 Название леса около хеттского города Тауриса ^{GIS}TIR *gauriya-* производят от хатт. *ur(a/i)* «источник» и *ka-* «на» (?) (вода этого лесного источника использовалась в обрядах бога Грозы Нерика). См.: *Haas V.* Der Kult von Nerik. Roma, 1970, 130—133; *Арбуниба В. Г.* Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М., 1982, 15, 165. Ср. хатт. *gaurantiu* «стоит над источником» (Friedrich, 317).
- 34 В отношении определения п.-е. источника этих балтийских слов Рэдулеску расходится с Френкелем: если последний (Fraenkel, 150, 179) возводит эти слова к п.-е. *geu-/*gou- «выпуклый» или «вогнутый; быть искривленным», то Рэдулеску склонен связывать их с п.-е. *gheu- «зять» (Pokorny, 449; др.-греч. *γάος* и под).
- 35 Интересно, что это мнение, согласно которому лит. *gauris* могло обозначать и болото. См.: *Tarvydas S.* Lietuvos vietovardžiai. Vilnius, 1958, 42.
- 36 Lietuvos. . . žinydas, II, 79; Lietuvos upių ir ežerų vardynas, 43; *Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981, 109 (предполагается связь с лит. *gauris, gaurys, gaurė*).
- 37 См. *Endzelins J.* Latvijas vietvārdi I, 1, 304.

- ³⁸ Kiparsky V. Die Kurenfrage. Helsinki, 1939, 100—101.
- ³⁹ Подробнее о славянском материале см.: Куркина Л. В. Словенско-восточнославянские лексические связи. — В кн.: Этимология 1970. М., 1972, 92—94; Она же. К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на *-u-*. — В кн.: Этимология 1971. М., 1973, 66—67; Skok I, 634; Bezlej I, 187; ЭССЯ 7, 177—178, 184 и др.
- ⁴⁰ Связь идеи изогнутости-искривленности с обозначением волос подтверждается многими примерами типа алб. *krip* 'волосы' при лит. *kr̥j̥pti* (*kreipti*) 'искривлять'.
- ⁴¹ Майрхофер указывает основные попытки индоевропейской этимологии этого слова: «к иран. **ringa-*, реконструируемому на основании авестийского названия созвездия *haptō-iringa-* (совсем иначе — *Szemerényi*. — Innsbr. Tagg. 191, ср. *Filliozat*. — JA 250, 326); к гот. *leik-* 'тело', *ga-leiks* 'подобный', лит. *lygus* и т. п. (WP II, 398—399); к др.-исл. *lim(r)* 'ветвь; член', лит. *liemuõ* 'гуловище; ствол; основа' и т. п. (*Peterson*. Balt. u. Slav. 23); из др.-инд. *ny-aṅga-* 'знак' с диссимилиацией *n > l* (ср. *laṅgar-*; *Burrow*. Sarūpa.—Bhāratī 9: к *añj-*)» — с кратким резюме, относящимся ко всем этим предложениям: «Die vorgeschlagenen idg. Anschlüsse an *liṅga* . . . überzeugen jedoch nicht» (*Mayrhofer* 19, 101).
- ⁴² Ср. двенадцать основных «линг» Шивы, пользующихся в Индии особым почитанием.
- ⁴³ См.: *Mayrhofer* 19, 101: «Przyluski, BSL 24, 118—120; Pre-Aryan 8 и сл.; Sur, AVORI 13, 151—152; ср. также Kuiper AO 46, 307 и др.».
- ⁴⁴ Этот вывод, между прочим, подтверждается такими словами, как *liṅgika-*, *liṅgita-*, обозначающими хромоту, *laṅga-* 'хромой; хромота', *ati-laṅg-* 'хромать', *laṅgin* (хинди *lāgar*, *laṅgrā* 'хромой', ср. также *laṅg-*, *laṅkh-gatau*) (*Dhātupāṭha*). Соотношение *liṅg-*: *laṅg-* очень важно с точки зрения индоевропейской морфонологической модели (*e : o : ∅*). Следовательно, уже на этом этапе появляется серьезный аргумент в пользу принадлежности *liṅg-* (: *laṅg-*) к индоевропейскому слою.
- ⁴⁵ О *liṅg-*, *laṅg-* см.: *Mayrhofer* I, 80; 19, 86 (с литературой вопроса); *Turner R. L. Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages*. London, 1966, 629a, 641a и др.
- ⁴⁶ Ср. с другим вокализмом: *luṅgioti* 'качать(ся)' и т. п., *luṅginti* 'махать' (*Suva uodega luṅginā*. VII, 687), *luṅgintis*, *luṅgytis*, *luṅgteletī*, *luṅgčioti*, *luṅgsteletī*, *luṅgurti* и т. п. (LKŽ VII, 687).
- ⁴⁷ См.: *Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas*. Vilnius, 1981, 180, 192. Существенно, что примеры этого рода делают бесспорным включение в этот же круг лит. *laṅgas* 'окно', но и 'дыра; отверстие; впадина; лунка; окно' (очко в болоте) и подтверждают связь *laṅgas*, лит. *luḡgs*, прус. *lanzto* 'окно' с слав. **logъ*, **leggъ* (ср. рус. *луг*, польск. *łag*, *łęg*, чеш. *luh* и т. п. топографические обозначения).
- ⁴⁸ В этом семантическом круге получает свою мотивировку и название лягушки (ср. рус. диал. *ляга* и т. п.) и, видимо, некоторые другие слова с корнем *ляг-*, но сильно отклоняющимися значениями.
- ⁴⁹ См.: *Трубачев О. Н. История славянских терминов родства*. М., 1959, 154 и сл.
- ⁵⁰ Видимо, сюда же относится и другое название знака — др.-инд. *lakṣa*, *lakṣ-man-* (к *lakṣ-* 'замечать').
- ⁵¹ Ср., впрочем, сходные предположки в литовском, напр.: *Moteris tik liṅga-čiuoja gálva, žiūrédama an ažumuštą vaiką* (LKŽ VII, 525) и под.
- ⁵² Можно пойти еще дальше, подчеркнув, что благодаря именно этим русским примерам соотношение др.-инд. *liṅga-* и *liṅg-* приобретает особую доказательную силу.
- ⁵³ Лит. *liṅgė* 'луны', остающееся не объясненным, конечно, связано с анализируемой группой слов, хотя мотивируется это название птицы иначе — через особую белесоватость, тусклый блеск, характерный для *Falko rusticolus* (ср. *сед*, *как луны*). Мерцающий блеск оперения луны как бы реализует мотив цветового (светового) колебания, переливания (разнонаправленность зрительного эффекта). Уяснению семантических отношений в этом случае особенно помогают русские данные; ср. *луны*, птица : *луны* ж. р.

- 'тусклый свет; блеск; близна' (ср.: *Он спит, только лунь видит*. Даль II 4, 707—708): *луи́ться* 'светить; освещивать; тускло светлеться; светать', *луи́ть* 'светить слабым мутным блеском; хлопать глазами, выказывая бельма' и т. п. Ср. особенно в связи с значением 'membrum virile' рус. диал. *луно*, об оконечности детородного члена у жеребцов и меринов (*пашка* и т. п.), ср. СРПГ 17, 196. Еще в прошлом веке было замечено, что лит. *lignū*, особенно в песнях «игры цветов и света» в связи с характерной «игрой» солнца в этот день (ср., например, *parādies tu, saulite, kuri vidu tu ligno jį; ligno saule launagā, nuo launagā vakarā*. Mülenbachs—Endzelins II, 484; *L'eigoj bite, L'eigoj saule* . . . и др.). См.: Вольтер Э. А. Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии, 1. СПб., 1890, 44 и сл., не говоря уж о ряде более поздних исследований. Мотиву солнечной пляски (*saul-* & *lig-*) отвечали бы такие употребления глагола *луи́ться*, как: *Солнышко зашло, а в окнах лунит ся*, т. е. «отражается слабым светом, тусклым отблеском» (СРПГ 17, 195), и, может быть, название пляски вроде казачка *лунёк*; ср. выше. др.-инд. *lingayati* 'расписывать красками' (= 'испещрять').
- ⁵⁴ Ср., напр., лит. *virptis* 'тычинка; шест', *vārpa* 'колос', но и 'membrum virile', лит. *varpa*, *varpiņa*, прус. *arvarbs* 'оселина; droga' — при таких «коровяйных» контекстах, как: *Ой, караваю, караваю, які жа ты вырапаяю; Росты, караваю, росты, як хмель на тычині; Росці, караваю, выше столба медзянога и т. п.* и фаллических символах из теста, помещаемых на самом коровае. — К сексуальным ассоциациям рус. яз-ср. характерное словоупотребление в частушке, возникшей в пореформенное время: *Сорок лет коровы нет, Масло отпрыгается, На дворе один петух С курочкой ляга ет ся*. См.: Елеонская Е. Н. Сборник великорусских частушек. М., 1914, № 834. Бытование этой частушки в наше время в Ленинграде (Удельнинский парк) отмечено в статье: Шаповалова Г. Г. Деревенская частушка в городе. — В кн.: Этнографические исследования Северо-Запада. М., 1977, 86.
- ⁵⁵ Ср. слав. **kleiva* : **kleiti* при **kloniti* (т. е. наклоняться, сгибаться и т. п. как действия, выражающие, в частности, обряд принесения клятвы).
- ⁵⁶ Ср. монг. *огиуго*, *огиуга* 'знак; знамя'.